

Валентин Пикуль

Наша милая, милая Уленька

Часть сборника
Через тернии – к звездам.
Исторические миниатюры

Валентин Саввич Пикуль
Наша милая, милая Уленька
Серия «Через тернии
– к звездам», книга 27

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124948

*Пикуль В. Через тернии – к звездам. Исторические миниатюры: АСТ,
Вече; 2002*

ISBN 5-17-010665-3, 5-7838-0969-1

Аннотация

«...Шестерка вздыбленных лошадей, влекущих колесницу Победы над пропастью, стала для Клодта его первым и вдохновенным порывом к всемирной известности и широкой славе. Так знать лошадь, как изучил ее Клодт, не знал никто, он был способен точно и совершенно изобразить ее прекрасное тело в любом ракурсе, самом неожиданном, даже с точки зрения человека, попавшего под копыта в момент кавалерийской атаки...»

Валентин Пикуль

Наша милая, милая Уленька

Историческая миниатюра

Выборгская сторона в Петербурге – не для богатых.

Барон был еще молод и прозябал в бедности.

Из полуподвального жилья он видел ноги прохожих: в туфельках, в лаптях, босые или в сапогах, громыхающих шпорами. Беспечально вздохнув и радуясь полноте счастья, он разрезал селедку на две части: с головы съест сейчас, а с хвостом оставит на ужин... Боже, до чего же прекрасна жизнь!

На подоконнике подсыхали игрушечные лошадки, вылепленные из глины, которые барон мастерил для продажи. Прохожие иногда заглядывались на них с улицы. Уж больно хороши! Бегут себе лошадки или встают на дыбы, мнимый ветер развеивает у них хвосты из льняных оческов, а вместо глаз – бусинки бисера. Прохожий, вдоволь налюбовавшись, порою наклонялся пониже, заглядывал в глубину подвальных комнатенок, а там он видел молодого человека, который, закатав рукава рубахи, чертил, рисовал или вырезал из бумаги опять-таки лошадок.

Иные, недоумевая, спрашивали будочника:

– Что за мастеровой живет в угловом доме?

– А шут его знает. Говорят, будто из баронов, был офицером по артиллерии. Тока не верится... Уж больно прост. Даже со мной здоровается. Чудит! А сам куску хлеба рад.

– На лошадях помешался, что ли?

– Оно так. Бывало, затащит к себе в подвал кобылу, сам между ног ее приладится и рисует всяко. Как это не боится? Ведь зашибут копытом. Никто и знать не будет...

Этим бедным бароном был Петр Карлович Клодт, а точнее – барон Клодт фон Юргенсбург, потомок древних рыцарей из Вестфалии, которые позже владели в Курляндии замком “Юргенсбург”, полученным ими в дар от герцога Готкарда Кетлера, предшественника известной нам всем династии герцогов Биронов.

Отец скульптора, Карл Федорович, немало повидал на своем веку, немало сражался, портрет его попал в Галерею героев 1812 года, где красуется и поныне. Дослужившись до генеральских чинов, барон устоял в кровавых битвах эпохи, зато рухнул как подкошенный, не вынеся оскорблений начальства...

Скульптор до старости помнил и чтил батюшку:

– Он, сам бедняк, игрушками нас не баловал. Возьмет колоду карт, нарежет из них лошадок, вот мы в них играли. Клодты с детства безделья и скуки не ведали. Строгали, пилили, клеили, рисовали, чертили, радовались, что так инте-

ресно жить...

Мать его, Елизавета Яковлевна Фрейгольд, приходилась теткой Николеньке Гречу, педагогу и писателю, который – не в пример кузенам – умел быть на людях, успешно делал карьеру выгодными знакомствами. По вечерам Петр Карлович иногда навещал Греча, у которого было тепло и шумно от обилия гостей, званых и незваных, писателей, артистов и чиновников.

Кусок селедки, отрезанный от хвоста, оставался не съеден, ибо в доме Греча ужинали даже с вином. На правах родственника Николенька иной раз снисходительно похлопывал Клодта:

– Ну, каково живешь, Петрушка?
– Хорошо... просто замечательно!
– Заплатки-то на локтях сам пришивал?
– С а м. Не в заплатках счастье, когда каждый день жизни таит в себе столько трудов и столько радостей...

Был 1830 год, когда Клодта избрали “вольнослушателем” при Академии художеств; по рисункам барона судили, что из него может со временем получиться недурной гравер. Клодт попал в среду художников, ему близкую, хотя сами-то художники, разделенные по рангам, словно офицеры на вахтпараде, отводили барону место в последних шеренгах своего построения по чинам.

Увы, в искусстве, как и в жизни, существовала своего рода иерархия – кому быть выше, кому ниже, кому где стоять,

кому кланяться нижайше, а кому хватит и едва приметного кивка головой. Первым среди мастеров искусства был в ту пору знаменитый скульптор Иван Петрович Мартос, убеленный благородною сединой, маститый ректор Императорской Академии художеств.

Иной час, заметив барона, Мартос небрежно спрашивал:

– Все лошадками балуетесь?

– Люблю лошадей, Иван Петрович... стараюсь.

– Пустое дело! С лошадей добра не наживете. Где бы вам путным чем-либо заняться, а вы игрушками тешитесь.

Иногда же барон чистил свой сюртучишко, испачканный глиной и обляпанный воском, стыдливо приглаживал на карманах нищенскую бахрому ветхой одежды, повязывал шею галстуком и шел в академическую церковь. Петра Карловича не занимала обедня, не тешили голоса певчих, он мечтал увидеть здесь свое потаенное, но сердечное сокровище – Катеньку Мартос!

Что “вольнослушатель”? Так, пустое место. Ему бы стоять подальше, а впереди живописно группировались признанные мастера искусств Российской империи, академики и профессора со своими домочадцами. Здесь же, на самом переднем плане, выделялся и сам Мартос, создатель величественных монументов, ярый ненавистник обнаженной натуры, которую он с гениальным совершенством драпировал в складки классических одежд. Подле него возвышалась его супружища Авдотья Афанасьевна, величая вла-

дычица многочисленной патриархальной семьи, оберегая от нескромных взоров Катеньку, еще девочку-подростка, ставшую предметом лирических вожделений барона.

Порою, осеняя себя широким крестом, почтенная матрона шептала дочери, краснеющей от стыда:

– Не смей глазеть на молодых живописцев, у них только вошь в кармане да блоха на аркане. А тебе, моя сладенькая, по рангу папеньки супруг необходим солидный, богобоязненный, чтобы потом не шаромыжничать по чердакам да подвалам...

В кругу семьи Мартоса, среди его богато разряженных дочерей, бывала и Уленька Спиридонова, круглая сирота, пригретая в доме Мартосов, чтобы в нищете не пропала. Вот ей разрешалось делать в церкви что вздумается, и эта некрасивая широколицая девочка озорно подмигивала дьячкам, гримасничала и корчила рожицы, сама же тишком прыскала в кулачок от смеха. Но барон Клодт, поглощенный любовью, видел одну лишь Катеньку.

А скоро случилось страшное – непоправимое!

Мария Каменская (дочь художника графа В. И. Толстого) в мемуарах писала: “Старик Мартос был вполне убежден в том, что обожаемая им дочь будет гораздо счастливее в замужестве, если он сам, столь опытный в жизни, выберет ей мужа”. В один из дней он позвал Катеньку в залу для гостей, где уже стоял пятидесятилетний некрасивый мужчина, опиравшийся на трость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.